

Глава 1

Я ТАК УСТРОЕНА

Когда я училась в шестом классе, меня возненавидела моя учительница, миссис Андерсон. Я же, наконец-то вырвавшись из оков стеснения и занудства, настроилась на веселье. Я раскрылась миру, точно подсолнух раскрывается солнцу, и вступила в ближний бой с тяготами средней школы. У меня появились идеи, мысли. В голове рождалось бесчисленное количество слов. Более того, я обнаружила, что обладала отличным чувством юмора (что было неплохо, учитывая мой внешний вид: стрижка а-ля тренер по софтболу 1985 года и пластмассовые очки, схожие с теми, что носила моя тетьа Уилда). Пробужденная в социальном вакууме, который явно требовал лидера, я выдвинула свою кандидатуру и приступила к исполнению обязанностей.

Миссис Андерсон, увы, мои намерения не поддержала. Она благоволила мальчикам и не любила ни меня, ни мой рот. Однажды она отвела моих друзей в сторону и спросила прямо в лоб (о чем, конечно, пожалела, когда мой отец все узнал): «Зачем вы с ней дружите, с этим деспотом?» Мне, безусловно, сразу же все рассказали. А как иначе? Разве можно доверять шестиклассникам, заблаговременно не убедившись в обрезанных у них дома телефонных проводах? Сегодня, будучи взрослой, в защиту миссис Андерсон я могу сказать следующее: если бы я оказалась на ее месте и мне пришлось бы

вести класс двенадцатилетних детей, я бы подверглась серьезному риску поубивать всех разом. Иисус, должно быть, проделал колоссальную работу, чтобы миссис Андерсон ежедневно появлялась в школе.

Однако в то время я была всего лишь ребенком, на ощупь пробиравшимся сквозь период подросткового возраста. И нет, я никогда не была ни вредной, ни скверной, – напротив! Но при всем при том я остро ощущала ее неодобрение. Я видела неприязнь в языке тела, в мимике, в тоне голоса. Даже после того случая, когда миссис Андерсон была вынуждена извиниться за устроенную среди шестиклассников драму, она общалась со мной сквозь стиснутые зубы. Я изо всех сил пыталась произвести впечатление академическими способностями и примерным поведением, но все это не работало. Что бы я ни делала, у меня не получалось найти к ней подход. И хотя мне уже сполна хватило разочарований в собственном теле, чувствах и страхах, ее посыл все-таки добрался до моего сознания:

Она испытывала неприязнь к моей личности.

Эта женщина настолько запала мне в душу, что тридцать два года спустя я не перестаю о ней рассказывать.

На страницах книги мы будем много говорить о поведении и мечтах, обсуждать взаимоотношения и влияние убеждений на формирование личности, но на данном этапе, пока вы не перегружены информацией, мне бы хотелось начать с вас, с вашей сущности, с того, что лежит в самых ваших глубинах. Каждый из нас иногда боится или стыдится внутреннего «я».

Бывает и так, что ввиду продолжительного подавления личности в ответ на чужое одобрение или неодобрение у нас не получается заглянуть внутрь себя. Отсюда следует, что перед нами стоит задача отыскать ключ к самосознанию, потому что именно понимание и принятие себя теми, кем мы изначально были созданы, является стартовой площадкой для бесстрашной жизни, где мы больше не притворяемся и не пытаемся стать кем-то другим.

Вроде бы все кажется очевидным и простым, но почему тогда все так сложно? Почему женщины впадают в ступор? Почему мы начинаем притворяться?

Возможно, причина заключается в умении приспосабливаться к любым обстоятельствам (женщины практикуют этот навык всю свою жизнь): мы знаем, как себя вести; мы знаем, что говорить в конкретной ситуации. И тем не менее исходным сырьем для формирования внутренней ценности служит не умение подстраиваться под окружающих, а осмысление собственной личности. Если личность, например, подвергается критике и мы ею руководствуемся, значит, наша внутренняя опора где-то дала трещину.

На уровне подсознания все мы стремимся, чтобы нас любили за то, кто мы есть, а не за то, что мы делаем. Это желание тесно связано с представлениями относительно ценностей, смысла существования и сопричастности. Мы придаем большое значение чужому восприятию нашей личности, а оно, в свою очередь, оказывает на нас неоспоримое влияние. Именно поэтому неодобрение миссис Андерсон сказалось на моих

чувствах: ее поведение послужило сигналом о том, что я нелюбима.

Вот почему мы начинаем отсюда, ибо среди нас нелюбимых нет. Мы буквально созданы любовью, с любовью и во имя любви. Господь даровал ее нам – и не конкретной, избранной группе, а всем. В этом и кроется истина.

Лично меня завораживает разнообразие наших личностей, бурлящих творчеством, смелостью, необузданностью. Мне нравится думать, что я могу спрятаться за спиной Творца, понимая, что его не волнуют наши различия. Людей не подбирают, будто актеров на кастинге, и не разделяют на категории. Человека, по крайней мере теоретически, нельзя отнести к плохому, хорошему или самому лучшему типу, хотя с практической стороны, к сожалению, именно этим мы и занимаемся. На подсознательном уровне мы разделяем людей на категории, и даже несмотря на то, что они меняются в соответствии с нормами культуры той или иной группы, мы уже заранее получаем сигнал, что один тип личности является привилегированным, а другой – обузой. И в этом нет ничего удивительного. Многие женщины, например, взглянув на определенный круг людей, прекрасно понимают, чего им ожидать и что конкретно принесет преимущество. Все наши правила, союзы, структуры власти имеют явные предубеждения относительно определенных «типажей».

Вот вам личный пример: раньше я была любимицей среди евангельских женщин. Успех в их субкультуре мне был буквально гарантирован. Для них

женщина-лидер — это веселая и самокритичная личность, яркая и добрая, почтенная и знакомая. Позвольте прояснить: это сообщество тяготеет к «звезде», но в первую очередь в пределах своих культурных норм. Если нормы изменяются, механизм тут же сбивается. То есть вы должны продолжать сиять, но при этом не отступать от взглядов господствующей церкви.

Мне бы хотелось остановиться и на другом сообществе, с которым меня часто ассоциируют — на прогрессивных активистах. Моя вера обязывает меня быть активисткой, поэтому альтернативного пути для меня не существует. Но когда я впервые шагнула в сторону данной общины, я получила совершенно иной набор личностных ожиданий. Здесь, в отличие от евангельских женщин, лидера видят совсем иначе: целеустремленным, властным, неподатливым, уверенным в знаниях. От меня ждут, что я буду вмешиваться в каждую битву, в каждую ежедневную проблему. Иногда моя вера кажется неуклюжим спутником, поскольку вне церковных стен организованная религия подвергается невероятным подозрениям. Если провести параллель с неприязнью к инакомыслию в субкультуре евангельских женщин, то можно заметить, что прогрессивное сообщество также не приветствует ошибки или расходящиеся идеи. Они как бы намекают: либо ты делаешь все правильно, либо до свидания, девочка.

Я могу сказать следующее: это самая странная работа в моей жизни. Передо мной то и дело встает одна и та же проблема: пока я подстраиваю личность, чтобы радовать целевую аудиторию, я теряю сама себя.

Я загоняю в угол истинную сущность. В погоне за двумя зайцами я стала понимать, что притворство утомляет, усложняет жизнь и уж точно не приносит результатов. Поверьте мне на слово: две ваши личности в конечном итоге начинают бороться и противоречить друг другу. Вы сами ощущаете вспыхнувшее противостояние, а вместе с вами это видят и остальные. Единственный и лучший выход — вести себя искренне со всеми и всегда. Но если вы думаете, что это тоже тяжело, то здесь я могу вас заверить: вы не ошибаетесь, леди. Что ж, зато это честно и вам не придется «подстраивать станцию под пассажиров».

В книге «Вопреки» (англ. *Braving the Wilderness*) Брене Браун называет понимание внутреннего «я» истинной причастностью:

Истинная причастность — это духовная практика веры в себя и принадлежности себе. Она помогает раскрыть миру настоящее «Я», почувствовать себя частью чего-то большего, как в обществе, так и наедине с собой. Истинная причастность не заставляет нас меняться, наоборот: она требует, чтобы мы оставались собой. Истинная причастность — это не слова, которые мы говорим во всеуслышание, а то, что мы носим в сердце. (1)

Брене не ошибается, говоря о чувствах, которые мы испытываем наедине с собой. Уединение — это место, где вы лишаетесь всяческих ожиданий, невзирая на цену (а цена определенно есть, и мы до нее доберемся).

Здесь я бы с удовольствием остановилась на идее внутренней принадлежности, на чувстве самосознания, которое обеспечивает нам опору, независимо от волн и ветра, созданных жизнью. Я подозреваю, что среди нас есть целый спектр личностей – от самых уверенных в себе людей до тех, кто абсолютно не знает, кто они и зачем пришли в этот мир. И тут нет ничего удивительного, ведь все мы подвержены влиянию. Иногда это влияние оказывают отдельные индивиды, а порой – целая группа людей. Некоторые из общин, например, более благосклонны и меньше боятся разнообразия. Другие же высоко ценят единогласие, тем самым создавая условия для перебежчиков. Именно поэтому поиск себя для кого-то кажется простым занятием, а для других – непосильным трудом.

Природа моей личности, как я уже говорила, – это головоломка для окружающих. Таковой она была и для меня на протяжении многих лет. Пускай с моей стороны это прозвучит странно (учитывая, что я призываю нас отвергать категории), но мне все-таки нравятся «легкие ярлыки». Они всегда помогали мне справиться с беспорядком. Сводя что-либо к четкому определению, я получаю возможность разобраться в сопутствующих тонкостях. Здесь, однако, возникает другая проблема: нарушение самоидентификации. В прошлом, когда моя истинная личность начинала бунтовать, я расценивала ее «крик» как дефект и тут же заглушала, одновременно усиливая «отточенные» качества.

Вернемся к примеру с евангельскими женщинами. В какой-то момент я думала, что буду развиваться в их

субкультуре до конца жизни, поскольку я воплощала множество ценных для них черт (и до сих пор воплощаю). Я отполировала до блеска необходимые качества и пустила их в оборот. И они даже принесли плоды: я построила карьеру, смогла проповедовать на законных основаниях.

Любой проницательный наблюдатель заметил бы, что если долго полировать одно и то же место, в конечном итоге появится дырка. Я же ничего не видела и продолжала укреплять союз примерным поведением, не выходя за рамки обязанностей. Вот вам пример: после серьезного вызова, брошенного на просторах интернета относительно исключения женщин из церковного руководства или защиты движения, выступающего против расизма, я намеренно предоставляла только приемлемые концепции, безупречные тексты и развлекательный контент. Я была вынуждена сдерживаться и не выступать с громкими заявлениями. Неужели я и дальше не могла оставаться вне политики и оградить веру от вопросов справедливости, как это делали другие лидеры?

Не могла. Я буквально неспособна смотреть на несправедливость и всегда готова ей противостоять. И это не просто работа; это моя сущность. Родители рассказывали, что энергия во мне кипела уже с дошкольных лет. Я никогда не смогла бы развиваться в среде, где мне пришлось бы молчать и мириться. Все это и послужило предвестником конца. И я была к нему готова.

Но худа без добра все равно не бывает. Привнеся этот трудный урок в активистское сообщество, я сделала правильные выводы. Теперь, когда мою веру

неправильно истолковывали или принижали, а я тем временем ощущала порыв поддаться и вписаться в установленные рамки, я наоборот выдвигала веру на передний план. И все по той же причине: я не могла оставить ее позади, ведь я целиком и полностью связана с Иисусом любовью и верой. И это не работа. Это моя сущность. Я верю, что Господь создал меня и наделил духовностью, и иного предназначения для меня не существует.

Самые глубокие аспекты нашей личности так или иначе всплывают на поверхность, и с этим ничего поделать нельзя. Так давайте уже обратим на них внимание и отведем им в жизни достойное место вне зависимости от того, вписываются они во все категории или нет.

И здесь я подаю сигнал об опасности. Вполне вероятно, что вы понимаете собственное «я» на основании ошибочных сведений, поскольку огромное количество женщин оценивают себя, основываясь на сказанных им в детстве словах. Они смотрят на себя через призму полученных травм, старых «ярлыков» или с точки зрения родителей. К примеру, у меня есть очень близкая подруга Лора, и она очень хороший друг. Лора одна из самых преданных, внимательных людей, которых я знаю. И все же однажды она призналась: «В детстве у меня никогда не было подружек, потому что я не умею дружить». Глядя на нее, все мы пооткрывали рты: «Кто тебе это сказал?» Лора даже не допускала мысль, что кто-то мог просто-напросто ошибиться на ее счет.